

Белоснежные льдины демонстрировали власть природы, они были домом для многих обитателей Южного полюса. Люди давно попрятались в свои теплые иглу под звериными шкурами, чтобы не чувствовать пронизывающего холода и свирепо воющего ветра. Одна лишь одинокая тонко-костлявая фигура в лохмотьях шла буквально босиком по затвердевшему снегу, скромно обнимая себя поledenевшими пальцами.

Ее несла не собственная сила ног, нет, а родная стихия, неизлечимая цель, почти вросшая в разум — жить! В ночи блестел подтаявший снег, унося хозяйку вперед по ее велению. Покорительница воды не старалась разогреть себя, нет, ей впервые за долгое время заточения хотелось дышать морозным воздухом сквозь боль легких. Пусть они покроются изнутри инеем, но она будет счастлива от этого. Не будет огненного жара, не будет языков пламени, что развратно касались ее тела и души.

Кровь мчалась как безумная по сосудам и капиллярам, энергия ее разогревала и заводила каждую мышцу в теле, заставляя сокращаться, подчиняя стихии. Мысли бескомпромиссно путались в сознании, пальцы нервно дрожали, в груди трещал сгусток холода, что липко-склизкими нитями обвивался прямо под кожей, цеплялся ржавыми крюками в самое мясо. Вперед, не останавливаясь, она так близка! По щекам капали слезы, горячие от счастья. Наконец дома, наконец её кошмар закончился, она терпела все эти страдания не зря!

Слабость с каждой секундой усиливалась, от чего паника вырисовывала на сознании тяжелые цепи, что так тянули вниз, в пучину беспамятной мглы. Нельзя останавливаться, она прошла такой путь, уже на родном полюсе, осталось лишь найти родную деревню. Каждое мгновение она грезилась о том, как же изменился родной дом с тех пор, как ее заточили в плену. Хотелось увидеть все своими глазами, вот только глубокая ночь не давала насладиться ландшафтом, который она проматывала каждую ночь перед сном.

До уха дошел утробный рез морских зверей, которых случайно разбудила. Звуки резонировали в грудной клетке, снежная буря поднималась, не давая увидеть ничего. В лицо не бьет колющий снег только из-за того, что она покорила его, сделав защитный купол, который с каждым мгновением уменьшался. Неминуемое случится, магия перестает слушаться от истощения, неужто все так и закончиться?!

Если остальные прятались в ужасе и во спасение, то она, дикая, бежала почти что в гущу, в эпицентр катастрофы. Казалось, ветер подхватывал костлявое тело, чтобы выкинуть в бушующий океан, шумный и черный, на льдины-островки, что напоминали больше устрашающие сталагмиты, готовые проткнуть любого непокорного.

Не страшно, ужас не справился, не расплавил кровь. Стало невероятно жарко, даже душно, словно она вновь оказалась в своей камере с пересушенным воздухом, без воды и возможности сбежать. У нее начался приступ: дрожь прошла землетрясением по телу, из-за чего магия полностью вышла из-под контроля.

Не удержавшись на ногах, девушку накрывает снежная лавина, тяжелый мокрый снег обволакивает все тело, обжигает. Жарко. Почему так жарко?! Хотелось разодрать себе глотку, чтобы поступало больше кислорода, снять с себя пленительные тряпки, стать свободной и

нырнуть в спасительную воду.

Дезориентированная, беглянка смогла растопить снег вокруг лица, чтобы можно было дышать. Легкие жгло, тяжесть стремительно заполняла тело, не оставляя надежд на спасение. Раскрыв глаза в слезах, девушка смотрит на далёкое небо. Тёмное, беззвёздное, как душа тем, кто начал кровопролитную войну.

«Великие духи,» — мысленно она разговаривала с хранителями стихий. Они были ее спасением в последнее время. Взывала к ним каждую ночь, молилась ради спасения. Тогда они помогли, так пусть и сейчас! — «Могущественнее вас нет ничего! Умоляю, не дайте мне погибнуть, я же пыталась! Я... Пыталась... »

Стало тяжело дышать не только из-за жара, будто кислород выжигался прямо из легких, но и из-за массы плотного снега, что сковал все тело мертвой хваткой. Неужто родная стихия хочет ее уничтожить?! Как же страшно, невероятно страшно! Слезы на щеках превращались в красивый, заснеженный узор. Она чувствовала, как теряет сознание.

«Я не могу так умереть!» — это была последняя яркая мысль перед тем, как сознание полностью покинуло тело. Желание хоть и было сильнее слабости, но не сильнее игр судьбы, в чьих руках она оказалась лишь куклой!

Неразборчивый гул давил на голову. Казалось, её кто-то... Облизывал? Сознание совсем мутное. Тело вовсе онемело, не поддавалось никакому контролю. Оно было тяжёлым грузом для ее легкой души. В глаза бил свет. Уже утро? Кто-то топчется вокруг, пищит и урчит. Животное. Неужто хищник?

Только ей хотелось окончательно пробудиться, узнать, где она и в каком находится состоянии, ведь было так страшно за себя, однако ничего не получилось, её будто ударили между позвонков, из-за чего связь с реальностью вновь пропала.

Из очередных слоев обволакивающей тишины выводил человеческий говор. Их было так много, что на мгновение стало страшно, что она вернулась обратно в камеру. Чудовищно-сильным ударом ей рассекли рёбра. Каждый сантиметр тела напрягся. Невыносимо хотелось одновременно вздохнуть так, чтобы в глазах потемнело, и выдохнуть с такой силой, чтобы голова отяжелела. Мышцы живота сжались и горло перекрыла влага. Губы и зубы разжались, выплёвывая и отхаркивая всё, что раскалённым металлом переполняло глотку.

Она кашляла больше, чем предполагала, больше, чем хотела, больше, чем могла вынести. В груди всё пылало. Влага вытекала отовсюду: из ушей, из глаз, из носа, с одежды, отовсюду. Дайте воздуха, почему так жарко?!

— Хама! — кто-то зовет её по имени, хватая за плечи и трясет. Как давно ее не называли по имени... обычно ее называли плесенью в плену. — Хама, очнись, ты дома!

Дом... Сладкое слово с привкусом тёплого масла. От него веет чем-то родным, чем-то свежим... Защита! Её там все любят и ждут, вкусно накормят и не будет вечного страха от каждого шороха.

Голоса стали отчётливее, они прямо были о черепу изнутри молотками. Она слышала каждый шаг. От ужасающих воспоминаний мышцы свело судорогой, и её рот раскрылся снова. Глаза выжигало от тусклого света костра. Её окружили люди в голубом, такой знакомый и родной цвет. Так хотелось рыдать от счастья, но сил и на это не было.

Главное, что она справилась со своей целью, она дошла до самого конца, несмотря ни на что. Теперь сознание более ничего не волнует. Даже то, как тело то и дело трясут в беспорядочной спешке, не прекращая. В голове сплошной белый шум. Хама не может среагировать даже на собственное имя должным образом. А минуты беспомощности, погружающие девушку всё глубже и глубже во мглу, играют с ней в плохую шутку.

— Хама, милая... Умоляю, смотри на меня! Не засыпай! — чей-то мягкий, отчаянный голосок продолжает взывать, но посреди многочисленных тёмных силуэтов до невозможности трудно различить нужный. Голос достигает в одно мгновение сокровенных струн души, и только тогда ледяной воздух поступает в носоглотку, наполняя лёгкие, а разум понимает, что перед Хамой никто иная, как... Канна, одна из её причин вернуться на Юг.

Обещание, что она дала своей единственной выжившей подруге, должно быть сдержанно. И она смогла, она вернулась. В полубреду Хама чувствует, как ослабевшее тело пытаются приподнять вверх, однако у Канны мало что выходит самой. Тогда ещё одна из деревенских берёт девушку под другую руку и помогает нести бывшую пленницу напрямик в иглу Канны.

Затем глаза постепенно закрываются, сознание от усталости и перегрузки отключается вновь. Главное — она добралась... Она достигла своей цели! Вернулась на Юг, домой, живой! Нет ничего более прекрасного, чем находиться возле тлеющего очага на шкурах выдро-тюленя, нет ничего более прекрасного, чем слышать возле себя знакомый голос и понимать, что никто не сможет больше причинить боли.

— Расскажи мне, — серебро небес полярного круга, которое до этого было серым и закоптевшим потолком темницы, сменилось на блестящий потолок уютного иглу подруги со шкурами по всему периметру. На плечо ложится ладонь, а во взгляде Канны стоит неозвученный вопрос: — Что они...

Тёмные брови мага крови хмуро смыкаются на переносице. Не вспоминать, нельзя. Она молча поворачивается спиной к вопрошающей, вздрагивает после резко всплывающих образов в голове. Забыть, забыть! Все уже давно в прошлом! Ничего ее больше не коснется!

— Расскажи мне, — повторяет голос позади. Нет, кажется, теперь он требует от неё всех подробностей пребывания в тюремном заключении у народа Огня! Как она так может? Неужели не видно, что это лишнее? Неужели какие-то жалкие подробности важнее того, что Хама прожила?! — Я всё пойму, Хама...

Она «поймёт»? Поймёт ли то, по какому именно лезвию ей пришлось ходить ради того, чтобы выжить, ради того, чтобы прийти сюда?! Никому не поймать! Никогда!

Пальцы нервно сжимают мех. Нужно на что-то отвлечься. В голове тут же возникает полнейшая пустота, искажая пространство. Девушка понимает, что её дыхание становится невыносимо учащённым, а белый шум усиливается с каждой минутой всё сильнее. Множество рук, омерзительно-грязных, покрытых кровью ползут к ней всё ближе, желая утопить Хаму в своих смертоносных объятиях. Страшные, вонючие монстры с блестящей, вязкой шкурой смотрят на нее и хотят сожрать. Уроды!

Беглый её взгляд бешено останавливается то на ближайшей стене, то на потолке. Согревшееся тело способно двигаться дальше, и девушка резко вскакивает с места, хватаясь за голову.

Руки продолжают расти и множатся, они практически добрались до неё. Крик, звонко-истеричный, срывается с уст перепуганного мага крови:

— Убери, убери, убери их, мать твою!

Канна не сразу понимает, кого нужно убрать и о ком, собственно, идёт речь, но едва её взгляд поднимается к перепуганной до смерти лучшей подруге, которая в приступе постравматического шока забилась в самый дальний угол иглу, девушка осознаёт очевидные вещи:

«Её... Брала силой... Множество раз... Ту и Ла, прошу смилуйтесь над Хамой, подарите ей спокойный сон хотя бы сегодняшней ночью!» — она от собственного ужаса прикрывает рот рукой. У нее задрожали колени, словно ее скинуло в прорубь. Стало невероятно жаль подругу, к которой хотелось подойти и крепко обнять, словно мать, стать для нее непоколебимой стеной, но от каждого шага магесса скалилась.

Хама неистово трясётся, будучи похожей сейчас на дикого кроликозуба с покрасневшими глазами и безумным проблеском в них. Она даже не замечает беспокойство Канны, утопая в многократных молитвах великим духам. Они должны ее спасти, они всегда спасают! Хама слышит мужские голоса и шаги, которые военной поступью оттачивали металлический пол. Приближаются, опять!

«Нет, нет, молю, нет!» — лихорадочно повторяла она, чувствуя холод и жар во всем теле. Больно сжимают руки и ноги, бьют в лицо, головой о стены камеры, чтобы была послушной... Крики и просьбы давно игнорируются, оставалось лишь терпеть потные тела на себе и судороги между ног. Сухая, совершенно не подготовленная, почти рвут. Ее начинает тошнить, хочется, чтобы быстрее все закончилось и ее отпустило.

Жар обволакивал, она словно в жерле вулкана. Душно, как же душно! Даже дыша полной грудью, она ловила скромные крохи кислорода. Раны ссаднили, гноились, но всем было все равно. Они ничто по сравнению с той болью, что ей причиняли каждый день.

— Хама, дорогая... — Канна смелеет, подходит, несмотря даже на шипение подруги. Сейчас ей просто необходима поддержка! — Я помогу, я спасу!

— Не подходи! — верещит девица до хрипа во все легкие. Нельзя себя жалеть, она должна показать, что сильнее этого черного многорукого чудовища! Каждое прикосновение вызывало боль, словно душу изнутри выворачивало. Хаме хотелось сорвать с себя лохмотья, чтобы смыть грязные следы от извращенных лап. Как же хотелось помыться...

— Я тебя больше не покину. — немаг обнимает подругу, садясь рядом с ней. Шепот такой ласковый, не мужской, хотелось в этой девушке раствориться. Ей хотелось верить, хотелось расслабиться, впервые за такой промежуток времени. Неужели действительно все закончилось?

Проходит несколько часов. Канне наконец удаётся уложить спать девушку. С тяжёлым дыханием та истекает потом, даже во сне призывая духов Луны и Океана, чтобы те спасли ее душу. Та не отходит ни на шаг, поглаживая Хаму.

«Что же тебе пришлось пережить там...» — Канна начинает беззвучно плакать. У нее разрывалось сердце от того, что пережила покорительница воды, но еще более интересно ей было узнать, как же ей удалось вырваться из хватки огневигов... Никому же не удавалось...

Когда немаг убедилась, что Хама окончательно уснула, девушка направилась спать. Однако для беглянки ночь только раскрывала свой пленительный цветок. Она вновь оказалась в своей затхлой камере, без воды и нормального воздуха. Где-то под землей с узким вечно закрытым окошком под потолком. Везде бродит охрана, дискомфортно и холодно. Она изредка слышит звуки избиения и крики боли... А затем становится тем, кто издает эти звуки.

Сильные костлявые руки приближаются к ней. Хама видит, как ее старые знакомые, с которыми она браво защищала дом, сгорают, превращаясь в обугренные трупы. Гнойные струпы покрывали их тела, глаза от температуры сворачивались, а волосы становились дымом. Они тянули руки, которые были покрыты вязкой смолой. Хотели утопить ее в огне! Между ног опять стреляло и жгло, хотелось вжаться в комок.

— Убери их... Канна, убери! — посреди ночь осипшим от крика голосом просит помощи у подруги она, ловя ртом спасительный кислород. Сейчас ей даже говорить тяжело, не то, что бы о чём-то просить, но последняя из магов воды Южного племени так просто не даст слабины. Она продолжает просить, сквозь напавший на всё тело жар с тяжестью, продолжает действовать.

Перебросив перебинтованные ноги через силу, она встаёт и идёт по направлению к «временной» постели напротив. На той спит мирным сном Канна, ничего не подозревающая о том, что её подруга, буквально сейчас напоминающая воскресшего мертвеца, стоит над русоволосой и, чуть поддрагивая, смотрит сверху вниз.

— Канна...

Тихий зов усиливает лёгкое эхо, отражающееся от стен иглу. Спящую поначалу это нисколько не беспокоит. Ее лицо такое умиротворенное, круглое, сытное. Густые локоны струятся по подушке, она явно здорова, в отличии от исхудавшей, грязной и взлохмаченной Хама. Такая красивая, еще более повзрослевшая, чем она ее успела запомнить.

Лишь после внезапного прикосновения ко лбу холодными пальцами, чтобы убрать прядь волос, Канна начинает вяло подниматься со своей кровати.

— Что-то случилось, Хама? — смаргивает сонливость немаг. Хама продолжает угнетающе молчать. — Дай-ка лоб проверю... Да он у тебя горячий! — подпрыгивает с места тёмнокожая, попутно укрывая с головой подругу в пуховик, под которым она спала несколько минут назад. — Немедленно собирайся, мы пойдём к твоему дедушке в соседнюю деревню! Это уже не шутки! Ты заболела чем-то серьёзным!

На это Хама ничего не отвечает, лишь слабо кивает и под руку с помощью Канны идёт по многочисленным сугробам, не контролируя собственного тела. Ноги не слушались, однако снег невероятно радовал... Но сил на это не было. Но ее дед жив! Он же будет рад ее видеть... Но в таком виде?! Что же он подумает...

«Заболела? Я не могла заболеть... Верно? Тело значительно ослабло после побега, неудивительно, что я даже не смогла нормально поесть и уснуть...» — размышляет Хама, не следя за дорогой. С Канной она может расслабиться.

Канна продолжает стремительно гнать девушку за собой, среди ночи, ярких звёзд и почти полностью показавшейся в поле зрения луны... Скоро полнолуние. Высшая точка, когда маг воды может достигнуть пика своей силы. Хама возносит глаза на родной, бледный диск светила и мысленно улыбается, благодаря духа Луны за то, что они помогли ей вырваться из крошечного ада. Скоро придёт время, когда она будет ещё сильнее, чем прежде.

Она отомстит за всех магов воды, которых тогда эти огненные мрази посмели захватить. За каждого из своего народа оторвёт голову и станцует победный танец с кровью на их черепках! Раздробит каждую кость, вырвет каждый язык, утопит каждого в собственных кишках, заставляя тех стать после смерти марионетками из живой плоти!

— Почти пришли, Хама! Всё будет в порядке, я обещаю, — в спешке успевает сообщить Канна, горячими пальцами обхватывая необыкновенно холодную ладонь подруги. — Потерпи ещё немного...

Несколько последних рывков вперёд — и они уже у порога дома последнего родственника Хама, её дедушки Буво. Он знахарь, не лекарь, как другие маги воды, преимущественно женщины и лечит своими методами, которые в некоторых случаях оказываются куда действеннее.

Огонёк в маленьком оконце начинает слабо мерцать. Серые глаза девушки резко раскрываются, едва перед ней оказывается дедушка, с которым Хама прервала общение несколько лет назад. Лицо выражает скорбь, не хотелось даже смотреть ему в глаза. Вначале у старца был какой-то шок, он вглядывался в лицо со впалыми щеками, однако смог различить свою единственную внучку. Слезы радости брызнули из выцветших глаз, он хотел подхватить Хаму, однако до него дошло, в каком та была болезненном состоянии. Мужчина помог затащить девушку внутрь.

Волос девушки ласково касается ладонь, жилистая, но до глубины души родная. Она неспешно проводит по волосам, успокаивает белый шум в ушах, заставляет душу расцвести красками сильной вины перед дедушкой. Хотелось прижаться еще сильнее и так уснуть.

— Деда... — она пытается выдать из себя извинения, но старик резко прерывает её.

— Тише-тише, Хама! Сейчас ты выпьешь отвара, отдохнёшь, а потом уже будем разговаривать, — ко лбу внучки он приложил вымоченную в травах ткань, а Канну направил обратно в дом. — Благодарю тебя, Канна. У неё действительно очень тяжёлое состояние. Лихорадка. Я помогу внучке, не переживай, иди к себе.

— Когда я смогу ее навестить?

— Навестить? Хм... Лучше через дня три-четыре, когда она придёт в себя. Не переживай. Уж я-то поставлю её на ноги.

Половина голосов словно пропала в тени болезни. Она не уловила и половины. Лишь приняла от дедушки предложенную порцию отвара и упала в бездну сна без видений.

Просыпается больная поздно, глаза разлепить совсем не получается, тело ломит, а воспоминания о вчерашнем дне смутны и развязны. Она кое-как встает и оглядывается. Действительно дом ее дедушки, совсем не изменился. Неподалеку даже лежали «ловцы духов», дед всегда шутил, что если неожиданно начнется война людей и духов, то он поймает всех злых мистических существ.

— Ты уже проснулась? — от резкого вопроса Хама крупно вздрагивает. — Прости, не хотел тебя пугать. — извинился Буво, сглотнув. — Как ты себя чувствуешь? — вместо ответа Хама слабо кивает. Нет сил говорить, глотка ужасно болела. — Выпей отвара, он смягчит горло. — он преподносит пиалу прямо к губам внучки, ведь та не может даже руку поднять из-за жара.

Девушка чувствует вкус перца и жира. В любое другое время ее бы стошнило, но сейчас это словно целебная настойка, ее манна небесная, которая дарует силы. Вот только много выпить не удалось, вечно голодный желудок не смог принять сразу столько еды. Она взглянула темно-серыми глазами на родственника, который в порыве чувств крепко обнял ее. Она почувствовала влагу на плече.

— Я думал, что потерял тебя навеки. — шепчет со всей болью. Его можно понять, он потерял нескольких сыновей и невестку из-за этой войны. Ему казалось, что он пережил всех своих родственников, ему не хотелось жить, ведь не было смысла. Однако Буво верил, больше ничего не оставалось. Каждую ночь он молился духам, чтобы уберегли. — Как же я скучал...

Хама хотелось так много рассказать ему, также зарыться в него и поплакать вместе, успокоить старика, заглянуть в его покрасневшие от слез глаза и сказать, что теперь все хорошо, но... силы покинули тело, да и не чувствовала магесса, что все хорошо.

— Как ты смогла уцелеть? — начал он ее расспрашивать? — Сбежал ли кто-то еще с тобой?

Девушка вспомнила всех тех, кого она потеряла, кого она бросила, спасаясь. Предательница! Но она действительно не могла их спасти. В глазах соленая вода появилась сама собой. Буво понял все без слез. Он понимал, что нельзя заставлять внуку беспокоиться или винить себя. Главное, что она цела!

Когда мужчина ушел по делам, Хама осталась вновь в одиночестве, но теперь оно не казалось таким мерзотным и прогорклым, как раньше. Наоборот, тишина словно ее убаюкивала. Однако спать не хотелось, ей нужно было понять, точно ли она дома и не сон ли это. Снег укрывал пространство вокруг, люди в пуховиках синих оттенков бродили тут и там. Деревня явно поредела из-за войны, но все равно остались мужчины, отчего дети все еще появлялись в семьях. Почти у всех было от двух малышей.

Хама идет медленно, в родной деревне ее не было достаточно долго. Еще до пленения она ушла отсюда, потому что было дискомфортно. Люди ее не любили, считали проклятой духами. Хама с самого детства говорила, что видит духов, конечно, сейчас этой возможности у нее нет, но тогда для маленького ребенка слышать, что она проклятая... Это ужасно.

В то же время их можно было понять. Из-за нее в детстве умер ребенок, который хотел вызвать духов. Они зашли на запретные незаселенные людьми территории и произошел просто несчастный случай, который был последним гвоздем в крышке гроба. Сейчас же люди из деревни китового моржа смотрели на нее пристально, многие с сочувствием и даже благодарностью, но находились отморозки, которые нарочито громко шептали гадости.

— Да она не могла так просто сбежать, явно шпионка! — говорила одна из женщин, от чего Хама не могла просто отмахнуться. — Или дала кому-то, как мерзко!

— Заткнись! — крикнула магесса, отчего сельчанка вздрогнула, смотря в яростный оскал.

— Стыдно признать, что ты сбежала и не спасла наших?! — женщина явно чувствовала превосходство перед истощенной, которая толком стоять не могла. — Или показать свою шлюховскую натуру?!

Но маг не стала что-либо отвечать. Она подморозила воду на ногах говорящей и дала хлесткую

пощечину. После удара оппонентка схватила внучку Буво за волосы и стала мотать из стороны в сторону. Началась настоящая потасовка, и дерущихся пришлось разнимать.

— Ты могла спасти хотя бы мою дочь! — кричала разъяренная, у которой текли слезы. — Вы ведь были подругами, почему?! Почему ты оказалась такой мразью?!

Хама замерла, словно ее пробила насквозь молния. Тиакани... Девушка пожертвовала собой еще в начале пленения, она приняла на себя удар, когда соврала страже о провинности Хамы. Она поплатилась жизнью, и маг этого никогда не забудет, Хама берегла воспоминания о ней.

Девушка не смогла выдержать изуродованного лица подруги перед собой. Ее сожгли буквально заживо! Маг бежала прочь от видения, однако оно было под ее черепом, выжженное на обратной стороне глаз. Хама задыхалась, громко плача. Она кричала океану, чтобы тот волнами забрал ее боль. Из груди рвался вой, живой и неотвратимый. Взмахи рук поднимали толщу воды, под ней трещал и бесновался лед.

Когда дикость прошла, в душе настал штиль и бессилие. Хама готова была упасть на колени и уснуть прямо здесь, на льдинах. Она обняла себя и впервые почувствовала стужу родных земель. Девушка понимала, почему многие считают ее предательницей. Будь она на их месте, была бы такого же мнения, но... Неужели она не заслуживает добра после всего, что сделала?!

Хама поспешила вернуться домой, иначе дедушка будет злиться. И она оказалась права, Буво был взволнован и напуган, расспрашивал ее, где она была все это время, однако Хама лишь смогла извиниться. Мужчина обреченно вздохнул и вновь дал внучке отвар, после чего та уснула.

— Говори, где Аватар, дрянь! — рев охранника и очередной удар. Хама скулит и плюется кровью, хватаясь за живот. В горле застрял отвратный, кровавый ком. Ее схватили за волосы и смотрят в глаза, полные слез. Как же хотелось плюнуть! Но тогда пытки продолжаться. — Он явно где-то среди вас! Следующий Аватар из Южного племени, так где же?!

— Не... знаю... — говорить было тяжело, голова гудела от ударов. Было страшно, но она действительно не знала! Почему они считают, что Аватар у них, а не в том же Северном полюсе?!

— Врешь! — последовал еще удар. — Вы его скрываете, и я узнаю, где именно! — в его руке появилось рыжее пламя, огонь рассекал кожу ног и рук, чтобы нельзя было нормально колдовать. Она мелко задрожала, чувствуя накатывающий жар.

Следом мужчина нагрел до красноты металлический предмет, который со всей силой нажал на живот девушки, что имел самую тонкую кожу. Женский визг, казалось бы, возбуждал его. Хама в конвульсиях пыталась попятиться назад, однако цепи препятствовали. Кожа будто плавилась под дымящимся предметом. Эти пытки продолжались вечно, ее ставили ногами на

раскаленный уголь, высекали огненными розгами, совершенно не щадили, однако девушка так и не рассказала того, что они так желали из неё вытрясти...

Маг просыпается в холодном поту и крупной дрожи. Ее трясло от ужаса и фантомной боли, она буквально подскочила и свалилась с судорогами ног. К девушке подбежал перепуганный родственник и, уложив обратно, начал массажировать мышечный спазм. Буво говорил, что она дома и в безопасности, а Хама, уткнувшись в подушку, громко зарыдала в голос.

— Тебе следует переодеться. — Буво принес внучке сменную одежду. — А то ты вся вспотела. Тем более мне надо обработать твои раны.

Хама лишь кивает, однако не спешит снимать одежду. Она знала, что за безобразие находилось под ней. Каждая попытка осталась шрамом и уродливым ожогом. Они багровым клеймом до конца жизни будут напоминать о тех днях, когда она с позором позволила опустить себя и своё племя на колени перед нацией ублюдков. Дед не должен ее видеть такой!

— Хама... я знаю, что там. — мужчина понял, почему маг медлит, сжимая края такни, поэтому сразу предупредил ее. Хама тут же меняется в лице, оно вытягивается. Серые глаза в ужасе и слегка детском неверии уставились на деда, после чего тот молча кивает.

Неуверенно, но она начинает снимать с себя ткань. Было дискомфортно понимать, что близкий человек сейчас увидит ее в таком состоянии, однако другого выбора не было. Она жмуриться, когда остается в одном белье. Почему-то ей ужасно стыдно, словно она какая-то грязное, помеченное животное. Дед спокойно смазывает ее шрамы и еще свежие раны, чтобы те не загноились. Ожоги тоже не остаются в стороне. Конечно, оба понимали, что она останется такой уродиной до конца жизни.

— Как же я их ненавижу! — рычит зверем разъяренный старик. — Собственноручно придушу выроdkов и весь их род! — он был в самом настоящем гневе. Буво боялся представить, какой ужас испытала его последняя оставшаяся в живых, родная кровь, и оттого в горечь в крови старца забурлила с новыми силами. Он это так просто не оставит!

Дальше время шло неспешно, Хама все еще редко выходила из дома из-за лихорадки, однако благодаря целебным настоям деда девушка быстро встала на ноги, вот только психика всё ещё давала огромные сбои... Хама не разговаривала практически ни с кем, фразы были короткие, о своей жизни в плену она так и не смогла рассказать Буво, боясь, что тому станет плохо.

И вот приходит к ней Канна, навестить. Девушка с большой неохотой открыла дверь в иглу, но смуглянка пришла с корзиной любимого лакомства Хамы — вялеными рыбными чипсами.

— Как твоё самочувствие, Хама? — спрашивает девушка и ставит на самодельный столик у очага еду.

— Так себе, но жить смогу, — уклончиво отвечает шатенка. — дедушкины отвары существенно

помогли.

— Вот, угощайся, — предложила немаг несколько кусочков принесённого с собой угощения. — Я взяла твои любимые, из рыбы-щита.

Во рту чипсы стремительно растворились маслянистой массой, но нежное мясо растаяло на кончике языка, даря непередаваемое, стойкое ощущение того, что она оказалась в далёком-далёком детстве.

— Спасибо, Канна. Я очень признательна тебе, — это первая еда за несколько дней после возвращения домой, которую Хама вообще смогла нормально засунуть в рот. От неё не было неприятного осадка в виде тошноты или нежелания желудка.

Глаза Канны цвета глубокого моря с айсбергами перестали излучать беспокойство. Они теперь кажутся кристально-голубыми, словно в тёмное море вторглись лучи спасительного солнца. Круглое, всё ещё детское личико засияло от радости, а губы приподнялись в тёплой, признательной улыбке.

Подруга инстинктивно подсела к Хаме, приобняла ту за плечо, а бывшая беглянке больше ничего не оставалось, кроме как положить свою голову на свободное плечо девушки. Так они просидели минут двадцать, в гробовой тишине и спокойствии, пока вопрос, витающий сам по себе в этой неловком молчании меж ними, не был вновь задан:

— Что они делали с тобой, Хама? Что-то ужасное, верно?

Ужасное. Как нелепо сказано! Почему Канна так стремиться узнать удручающие подробности? Почему она в ней копается, как падальщик?!

— Пытали, что они ещё могли сделать с пойманными мага и воды? — скептически ответила она, от чего Канну пробрал озноб. — Калечили. Выуживали информацию, которая нам неизвестна. Многие не выжили после подобного... Одной лишь мне удалось сбежать.

— Главное, что ты смогла это пережить, — провела по голове мага крови Канна, едва не плача после услышанного. Ей до скрипа в зубах было жаль умерших во имя спокойного будущего Южного племени Воды молодых, совсем неокрепших подростков, женщин и мужчин. — Ты большая молодец, Хама! Тебя винить не за что, слышишь?

— Я их пообещала спасти и вернуть на Родину. А что в итоге? Все мертвы!

Взгляд девушки опустошен. Она смотрит в пол, совершенно ничего не чувствуя, кроме вины. Оно погружает Хаму в ещё большую пропасть отчаяния, чем прежде.

— Хама... — Канна обхватила лицо подруги и заставила посмотреть на себя. По щекам

смуглянки текут обильные слёзы: — Только сильные могли пережить подобное. Ты не странная, не слабая! Ты самая отважная, самая сильная из тех, что я знаю!

После слов подруги маг воды вздрогнула, отстранённо отводя глаза в сторону. Нет, такого отношения Хама не заслуживает к себе. Она как оставалась серой мышью среди остальных, так и должна оставаться. Нельзя больше ничем выделяться, чтобы не причинять близким людям боль...

— Канна... Послушай... Могу ли я какое-то время пожить у тебя? Просто в твоей компании мне гораздо легче... — решается всё же на огромный шаг, переступая через саму себя, Хама, с надеждой посмотрев на лучшую подругу.

Девушка чувствует, что именно рядом с ней душа перестанет болеть и её перестанут тревожить кошмары.

— Прости, Хама, но я не могу... Я вышла замуж за сына вождя не так давно и теперь мы с ним разделяем один дом, постель и очаг. Вчерашний случай был исключением, ты все-таки была сильно ранена... Поэтому он не стал ночевать дома. А сегодня он вернётся и... Ты... Как бы сказать...

— Помешаю вашему «уединению»? — пусть вопрос изначально был задан как шутка, но внутри Хама чувствовала укол предательства. неужели состояние подруги настолько ей безразлично? Магесса бы не помешала им быть вместе, даже вышла бы из дома...

— Хама! — щёки Канны мгновенно покрылись алой пунцой, на что Хама лишь слегка усмехнулась, радуясь тому, что лёгкий конфуз смогла перевести в шутку.

— Да не волнуйся, придумаю что-нибудь.

— Я могу помочь перенести твои вещи в иглу поближе. Неподалёку с моим домом есть такой домик! Он небольшой, но вполне уютный.

На том девушки закончили разговор. По возвращению домой дедушки Буво, Хама лично отдала родственнику низкий поклон за то, что тот не оставил в беде внучку и залечил раны. Старик на прощание собрал целую суму с различными заготовками, необходимым товаром для полного восстановления организма.

— Подожди, Хама, — перед тем, как уйти, старик вручил ей небольшой подарок: вручную вырезанный гребень для волос и один из своих «ловцов снов»: — Прими это в качестве защиты от кошмаров и страхов. Да хранят твою душу духи Ту и Ла!

Губы Хамы растянулись в слабой улыбке. Она ещё раз поклонилась напоследок деду, а затем они вместе с подругой пошли обратно, в деревню.

Просторы безлюдной, снежной пустыни навевают печаль. Девушка сидит возле небольшого оконца, раскладывая вещи. Дедушкин «ловец снов» она вешает над входной дверью, чтобы отпугивать, порами, надоевших гостей-духов, которых ещё с раннего детства видит и слышит Хама, но с того случая с погибшем мальчишкой прошло уже много лет. Она не была виновата в том, что его насильно решили забрать духи. Значит, так было нужно. Не её вина в том, что ни один из мужчин племени не смотрит на неё: худую, бледнолицую и вообще не подходящую ни по одному параметру отбора среди местных девчонок в невесты. Хама задумчиво начала расчёсывать волосы гребнем. Ей никогда не нравилось смазывать пряди тюленьем жиром для стойкой причёски. Жир слишком пахучий и будто бы склеивает волоски между собой! Отвратительное ощущение! Даже, если это традиции.

Заделав в привычный пучок и распустив задние пряди, Хама вышла из своего иглу с одной очень важной миссией: поискать выживших магов воды среди поселенцев. Она бродила очень долго, почти целый день, стучась в каждый дом. Но всюду встречала лишь разочарованные охи и ахи. Никого, совершенно ни одного мага не осталось!

На глазах образовалась влага. Девушка топнула ногой, создав отдалённо похожее на стул, изваяние из снега и льда, а затем присела на него, прикрывая ладонями лицо. Она не только никого не спасла, но и по итогу осталась одна единственная в своём племени женщиной-магом! Вот только из-за давних слухов никто не обратится к ней за помощью с ранами, никакой мужчина не обратит на неё свой ласковый взор. Да и она сама после всего произошедшего в тюремном заключении более никогда не возжелает противоположный пол! Мужчины отвратительны. Они приносят лишь боль!

Резкий ком в горле заставил Хаму опустить голову вниз. Из горла буквально вырвался сплошным потоком желудочный сок вместе с остатками рыбных снеков.

Голова начала кружиться. Что это? Она вновь теряется в пространстве. Нужно срочно дойти до дома, прилечь! Да... Это верное решение. Однако тело не стремится слушаться. Хама начинает идти вперёд, но чувствует, что падает, прямо лицом в холодный снег.

В ушах один сплошной перезвон. Девушка ничего не понимает, но её вновь куда-то несут, на сей раз грубовато подталкивая в спину. И она идёт, вскользь осознавая, что направляется к иглу лекаря Хаки. Старушка Хаки была местной спасительницей, как и дедушка Хамы, знахаркой старой закалки. Сама она детей своих потеряла еще младенцами, однако спасла в разы больше.

Хаки подтолкнула Хаму к лежанке, которая была покрыта плотным слоем шкур. Девушка покорно легла на спину и в предтошнотворном состоянии продолжила наблюдать за действиями старухи.

Крючковатые, иссушённые временем пальцы творили с травами настоящие чудеса: северные цветы, коренья и мох кипели и от них шёл незабываемый аромат, который, кажется, до конца

жизни останется в памяти девушки.

Затем Хаки подошла вплотную к шатенке и насильно залила той в рот какую-то до невозможности горькую настойку, от которой весь желудок девушки был готов вывернуться наизнанку.

— Так и знала... — слышался грубоватый меццо-сопрано позади Хамы. — Ты беременна, деточка. От кого ж только успела залететь? Недавно ведь только из плена сбежала. Рада за тебя, милая. Ещё один ребялёнок в племени никогда не бывает лишним, в особенности, в нынешней ситуации...

Глаза Хамы округлились от ужаса. Сердце замерло от такой новости. Беременна, она?! От одного из огненных ублюдков?! Если это так, то ребёнка нужно непременно уничтожить! В корень и как можно быстрее!

— Чему же ты так удивлена, девочка моя? Ты скоро станешь матерью — это прекрасное время, когда каждая женщина расцветает и начинает понимать, что она была создана исключительно ради того, чтобы рожать на свет деток, ради того, чтобы понимать, что теперь после неё останется те, кто будет помнить свою мать после смерти... Ну, разве это не чудесно?

Чудесно? Чудесно родить от отброса, который изнасиловал ни в чём неповинную девушку?! От этих слов ей стало еще дурнее.

— Избавьте меня от этого ребёнка, — с твёрдым намерением в голосе высказалась Хама, когда пришла в себя окончательно. Её лицо помрачнело после услышанного. — Или я это сделаю сама.

Хаки изменилась в лице. Она уже поняла, откуда мог появиться ребенок, однако ей нужно было предупредить о последствиях.

— Ты не представляешь, какие последствия будут, если ты убьёшь своего первого ребёнка. Ты можешь потом вообще не родить. Духи проклянут тебя до конца жизни!

Смешок, вышедший низковатым из-за осипшего голоса девушки, звучит не правдоподобно дико.

— Мне и предоставлять не нужно. Я уже давно проклята духами.

Хаки, понимая, что девушка все решила, спешно подаёт Хаме нужный настой и отправляет мага воды домой. Шатенка с тяжестью в груди уходит. Теперь ещё и ребёнок, которого она будет ненавидеть всю жизнь, растёт под сердцем. Брови сдвинулись к переносице. Нет! Она не будет выращивать и воспитывать изначально обречённое дитя. Это будет нечестно даже по отношению к этому ребенку от насилия. Хама искренне желает жить в счастливом браке и

иметь детей от любимого мужа!

Ей нужен отдых. Просто отдых. Сейчас никакая злоба не поможет положению. Всё может только усугубиться. Девушка, даже не раздевшись толком, валится на постель и отключается. Ничто теперь её уже не интересует. Лишь сон имеет смысл.

Сон сквозит одинокой пустотой. Беспросветная тьма и ничего более. Кажется, это и есть настоящее состояние души девушки? Без чувств, без любви, концентрация одной сплошной обиды и злости внутри? Ах, а нужно ещё что-то? Ведь постоянным спутником Хама является вечное одиночество. Как же может иначе у «проклятой духами»?!

Ночь проходит незаметно. Утро встречает серым небосводом и горячим травяным чаем вместе с похлебкой из морских водорослей. Более Хама не смогла поесть в своём новом положении. Её ужасно тошнило. Никуда не хотелось выходить. Так девушка и поступила. Пролежала до самого позднего вечера дома, под тёплым покрывалом и принесенной книгой о врачевании от дедушки.

Ей постоянно лезла в голову мысль, что червем выедала плоть... Беременна! И как давно? Надо было хоть спросить, но ей стало так дурно, что совершенно забыла про это. Теперь в ней живет какой-то паразит от огневигов! От этих монстров! Ей хотелось сиюжесекундно ворваться в собственную матку и выскрести эмбрион из себя. Хама начала бесноваться, рычать, двигаться по постели, не находя себе места. Как теперь жить?! Она теперь еще и грязная, никому ненужная!

— Хама!

В иглу ворвалась обеспокоенная Канна. Она довольно быстро подсела к подруге и взяла её в руки в свои.

— Ты вчера ходила словно сама не своя! У тебя что-то случилось? — Хама всегда удивлялась проницательности подруги.

— Канна, всё в порядке. — врет маг. — Ты сама-то как... Поживаешь? — ей было тяжело говорить из-за кома слез.

— Нет, Хама! Я вижу по твоему состоянию, что-то явно случилось!

Тяжёлый вздох сорвался с уст девушки. Она присела на край постели и посмотрела на подругу печальным взглядом:

— Я... Беременна.

Канна в приятном удивлении прикрыла рот ладонью.

— Так разве это не очаровательно? Ребёнок — это частица тебя, светлая и...

— Но если это ребёнок от насилия — он не должен существовать. — прервала очередную радостную браваду от Канны покорительница Юга. Не хотелось слышать слова радости от нее, только не от нее.

— Но... Ведь! Духи, значит, не просто дали тебе этого ребёнка! Ты не должна его убивать! Он не виноват! — девушка пыталась подбодрить подругу, найти для нее подходящие слова поддержки, однако делала только хуже.

— Канна! — рявкнула Хама, отчего голубоглазая вздрогнула. — Прекрати. — серые глаза прожигали в подруге дыру. Та с проблеском осознания и ужаса исправляется.

— Прости, просто я так сама пытаюсь забеременеть. — опустить Канна взгляд. — Для меня это было бы такое счастье, а я тут со своими проблемами преуменьшаю твою горе! прости! — она закрывает лицо руками и плачет, понимая, как подло поступила. Сердце Хамы разрывается от боли, та обнимает плачущую, голубит, чтобы Канна успокоилась. — Прошу, роди этого ребенка мне! — в голубом взгляде блестит безумие отчаяния.

— Ты совсем! — в ужасе и возмущении отпрянула покорительница воды.

— Прости, что говорю эти вещи, — однако дочь будущего вождя не унималась. Хама считала ее обезумевшей. — Но я могу никогда не занять ребенка! Это мой единственный шанс.

— Ни за что! — внучка Буво была непреклонна. — Подумай о Катааре! Что он скажет? Навряд ли захочет отпрыска не только не от тебя, так и еще с кровью огненной грязи!

— Умоляю!

Этот спор продолжался долго, Хама грозилась выгнать из дома подругу, если та продолжит бредить, однако Канна с волевым упорством стояла на своем, и победила. Магесса ложно пообещала, что подумает над этим. На самом деле она все давно для себя решила, в ту же секунду, когда прознала о ребенке.

Дни бегут, за ними проходят месяцы. Хама потихоньку восстанавливается в физическом плане, занимается своей повседневной рутинной: помогает Канне собирать травы и ягоды, ходит на рыбалку вместе с ней и её мужем. Катаар оказался достаточно прилежным и приятным молодым человеком. Девушка была рада, что Канна вышла замуж по любви. Сам Катаар относился к магу крови положительно и с пониманием, когда она держалась от него подальше и совсем не могла оставаться с мужчиной наедине.

Всё идёт плавно, будто бы по ранее прописанному сценарию, лишь проблемой оставался

растущий плод внутри девушки, как и живот, заметный даже под многочисленным слоем пуховика и обвязанных бинтов. И проблемы, которые за собой несла беременность: перепады настроения, то зверский аппетит, то полный голод. И больше всего выматывало постоянное кровотечение из матки, вызванные отварами, которые давала Хаки дабы остановить развитие плода. Ребёнок явно должен был умереть. А вытащить этот ненавистный придаток будет не так уж сложно.

Сегодня. В полнолуние. Она принесёт первую жертву во имя мести народу Огня! Она обязательно должна принести эту жертву! Осталось лишь дожидаться этого радостного события! Время тянулось нарочито-медленно, духи словно потешались над ее горем. Если бы она могла, то раньше выцарапала бы эмбрион из себя.

Долгожданная ночь пришла! Сегодня все обязательно измениться.

Хама пробирается из дома, стараясь не шуметь. Снег скрипит под ногами. Небо открылось звёздам сегодня достаточно широко. Это знак того, что девушка всё делает верно. Перед глазами стоит великолепный, покрытый отражением многоликого светила, океан. Маг крови, чувствуя, как силы наполняют ее жилы, начинает снимать с себя одежду, оставаясь лишь в одной ночной рубашке. Всё должно пройти быстро. В ледяную воду должна пролиться свежая кровь, а негодный отпрыск потонуть во веки веков!

Светит бедно-жёлтая свидетельница происходящего ужаса. Девушка опускается в искусственно проделанную прорубь по колено и начинает сосредоточиваться на потоках собственной крови в венах и артериях. Она никогда еще не использовала магию крови на себе. это могло быть опасно...

«Всё, что вокруг нас — жидкость. Даже внутри нас содержится жидкость.»

Подобные слова Хама слышала, когда пребывала в тюремном заключении. Будто в бреду ей пришло наставление. Словно свет тогда спустился на неё с небес, какой-то сладостный голос спасителя-духа сообщил ей сокровенное и исчез вместе с полноликой Луной. Как же она хотела отблагодарить от чистого сердца его!

Руки в одном плавном, отточенном движении заставляют чужой пульс в глубинах тела застыть в ужасе. Выжил, гад! Ну ничего, скоро ты умрёшь в конвульсиях, как когда-то умерла и переродилась однажды сама Хама! Конечности нещадно жжёт холодная вода, но кровоток всё пребывает и пребывает. Девушка совершает ещё несколько жестоких пассов ладонями, ощущая, как таз медленно, но верно сгорает под натиском острой и тупой боли. Кровь стекает с ног с каждой минутой всё обильнее, нижнее бельё буквально пропитано ею. Стоять так трудно, но она закончит начатое! Ничего уже не спасёт первенца Хама...

Слышится пронзительно-слабый вздох и всхлип ребёнка, едва девушка заканчивает вытаскивать того из себя раньше положенного времени. Казалось, у нее также замерло сердце. Ребенок был непропорциональный: большая голова, короткие конечности. Весь красный и припухший, с морщинистой кожей, еле сформированными пластинами ногтей. Как же он у нее

вызывал отторжение! Уже почти все, скоро ее муки кончатся!

Картина кровью. Лёд в багровых разводах. Ребёнок утопает в плаценте и пуповине. Хама пристально и со всей злобой смотрит на младенца со смуглой кожей, выбирает из окружающего воздуха воду. Вода на кончиках пальцев рук становится всё холоднее и холоднее с каждым мгновением. Ледяные иглы с неистовой силой практически вонзаются в шею невинного малыша, практически лишают того жизни, но...

В последний момент рука Хамы застыла в одном миллиметре от шеи, как оказалось, новорождённого мальчика. Глаза... Его лазурные глаза так напомнили Канну. Как мелководный океан в солнечную погоду. Тело инстинктивно движется само по направлению пуховика, укрывает малыша. Девушка в шоковом состоянии обрезает пуповину и завязывает ту узелком. Отделяет сына от себя и чернеющим от ненависти смотрит на то, как столь слабое существо присасывается к своему первому источнику пищи.

Хама дала слабину?... Почему же она не убила это ненавистное дитя? Обещание. Духи сами заберут жизнь этого ребенка, если посчитают нужным... А она дала обещание сохранить жизнь и отдать ребёнка Канне. Хама не может разочаровать подругу и видеть ее слезы.

Девушка, очистив одежду, в одних сапогах и ночном белье, шла, чуть пошатываясь, к дому Канны. В оконце иглу подруги горел тусклый свет. Хама постучала. Сначала тихо. Затем ещё раз, настойчиво. И вот когда Хама уже хотела оставить ребенка у порога, как открыла немаг. Увидев свою лучшую подругу полураздетую, держащую в руках драгоценный для жены сына вождя свёрток, смуглянка тут же впустила внутрь девушку без единого слова.

Младенец продолжал прижиматься к истинной матери и со слезами на уголках глаз кушать её грудное молоко. Хаме было противно, хотелось поскорее вручить ребенка и просто уйти, однако немагесса усадила к себе и предложила чая.

— Родился мальчик, — показала Хама Канне младенца, который родился раньше положенного срока: — Теперь он твой сын, как я и обещала. Заботься о нём и воспитывай.

— Он прекрасен, — приложила ладонь ко рту немаг, с умилением взирая на новоиспечённого сына. — Катаар будет не против. Благодарим тебя за сына, Хама... Ты наша спасительница...

— Верно, — вышел из тени сын вождя, муж Канны. — А он на тебя похож, Канна. Такие же щёчки и цвет кожи!

Когда младенец поел и заснул, Хама передала мальчика будущим родителям без тени собственного сожаления. Она даже не ощущала той «материнской привязанности», о которой трещат все матери без умолку! Единственное, что она действительно чувствует сейчас, так это опустошение. И небольшое предательство со стороны Канны. Она с первого взгляда возлюбила отпрыска чужака. Притом, полукровку. Одно радовало, что ребенок ничего не взял от огневигов, никто и не подумает, что это не сын Канны.

— Погоди, Хама, — голос подруги остановил собирающуюся уходить восвояси уставшую девушку. — Ты не хочешь дать имя своему первенцу?

— А должна? — скептически приподняла одну из бровей она в ответ: — Теперь этот мальчик — ваш сын.

Синие глаза Канны покрылись капельками слёз. Но она прекрасно поняла подругу, поэтому посмотрела на своего мужа и кивнула тому.

— Тогда имя ему — Хакода. Пусть этот мальчик будет благословен обоими духами, Ту и Ла, — вознес над младенцем ладонь Катаар, а затем с любовью прижал к груди сына. Он действительно был счастлив от того, что Канна смогла прийти в себя. Этот ребенок больше нужен был ей, чем ему, ведь девушка боялась, что никогда не сможет иметь детей, так и чувствовала вину перед подругой. Воспитав сына Хамы, Канна словно извиняется перед магом за то, что не смогла ранее уберечь. — Да будет он сильным воином. И страстным охотником!

В последний раз одарив взором первенца, девушка слабо улыбается.

«Хоть у кого-то будет счастливое детство, рядом с любящими родителями, правда, малыш Хакода? Жаль, что я пока такая слабая. Но ничего, придёт время, я обязательно покажу, чего стою. И уже никакие чёртовы материнские инстинкты не остановят меня!» — Хама была уверена в собственных словах, и она стремилась воплотить это в жизнь.

— Ты можешь остаться у нас до утра. — предложила голубоглазая, взглянув на мать ребенка, но та категорично отказалась. Она не собирается и часа находиться рядом. Хама лишь улыбась от крови и направилась к себе.

Постепенно, даже материнские инстинкты, что сыграли с тобой однажды злую шутку, уходят на второй план. Девушка вскармливала своего первенца грудным молоком ровно до восьми месяцев, пока то не закончилось. Эти месяцы тянулись долго, но вполне сносно. Хама не замечала за собой какой-то особой привязанности к растущему младенцу, зато Канна светилась ярче солнца, рассказывая обо всех маленьких шалостях сына, которого теперь она считала полностью своим.

История беременности Хамы обошла всех как-то стороной, чему девушка была несказанно рада. Судя по всему, Катаар позаботился о слухах, рассказав ложную историю даже отцу о том, что наконец, спустя пару лет брака, они смогли выносить долгожданного вождём внука! И даже когда поползли слухи о том, что Канна слишком часто ходит с ребенком к Хаме, те сразу поверили, что девушка лечила раннерожденного мальчика, пока тот не окреп.

Эта история нравилась Хаме, поэтому к году, когда Хакода умел уже различать кто кому кем является, девушку он зачастую называл «тётя Хама». Маг крови была нисколько не против, ей даже было всё равно. В семнадцать родить — это вполне нормальное явление жизни в Южном

племени Воды, но вот ходить не замужней во все восемнадцать... Катастрофа!

Наседать начали буквально все: начиная Канной, заканчивая письмами бабушки. Это уже начинало раздражать Хама, и поэтому она одним вечером перечеркнула все добрые намерения лучшей подруги своей запиской о том, что она уходит жить на окраину деревни, подальше от всех. Так будет проще жить. Так будет лучше для всех.

Возвести новый дом с нуля для мага воды — дело плёвое. Несколько телодвижений — идеальное по пропорциям иглу готово. Своё, уютное и свободное. А уж перенести немногочисленные пожитки — дело десятое. Хама со всем справилась за рекордные два дня, хотя строительство полноценного дома из снега обычно у многих занимает, как минимум, неделю! Соседи удивлялись, как проклятая духами, так быстро со всем справилась. Чему было удивляться? Последний маг в Южном племени Воды, на данный момент. У Хакоды так и не пробудились никакие способности, хотя он унаследовал ее слегка вытянутое лицо, теперь он меньше похож на Канну.

Хаме остаётся только пожать плечами на их многочисленные сплетни за спиной, ведь у неё были дела куда поважнее, нежели разоблачать дурацкие высказывания в свой адрес. Скоро должно быть полнолуние, и она теперь спокойно может посвятить себя духовным практикам. Из-за заботы о чужом ребенке она совсем забыла о том, что хотела делать первоначально. Однажды она услышала глас Луны, поэтому Хама собиралась попытаться поговорить с Туи, поблагодарить спасительницу.

Однако от мыслей прерывает стук в дверь. Девушка явно никого не ждала, однако она догадывалась, кто это мог быть. И за порогом ее глаза встречают Канну. Та переминалась с ноги на ногу, перебирая пальцами.

— Я знала, что ты придешь. — вместо приветствия произнесла Хама.

— Хакода просто спрашивал, где тетя Хама. — как-то виновато заулыбалась немаг. — Ему стало грустно, ты с ним даже не попрощалась.

— А с какой стати я должна?! — резко сменилась в настроении маг крови. Она была оскорблена таким поведением подруги, которая сейчас увидено распахнула очи. — Это твой ребенок, твои проблемы!

— Н-но... — Канна явно растерялась, не зная, что следует ответить. Ей не доводилось за последнее время видеть подругу злой.

— Я сдержала свое обещание, — обе понимали, про какое обещание шло речь. В голосе звучало прогорклое разочарование, Хама была разочарована подругой, хотя где-то подсознательно понимала, почему та себя так ведет. — Сдержи его и ты.

— Я знаю, и я очень благодарна тебе за все. — сжала кулаки Канна с опущенной головой. —

Просто...

— Просто теперь это не мое дело. — Хама посмешила закрыть дверь, но перед этим Канна извинилась за то, что настаивала на свадьбе подруги. Девушка ничего на это не ответила и осталась в комфортном для себя одиночестве.

«Так странно... Однажды из-за меня умер мальчик, а теперь я создала жизнь...» — начала невзначай размышлять Хама. — «Духи, вы те еще кукловоды. Наши жизни в ваших руках.»

<http://tl.rulate.ru/book/102247/3528202>